

«Итак, расклад прелестный: под локоть меня держит будущий величайший негодяй империи, чьё имя в веках станет синонимом предательства, а ради спасения моей шкуры вовсю хлопочет один из самых известных в истории гуляк?

Нет уж, увольте. Умирать я не планирую!

Пусть на престоле сидит кто угодно, мне всё равно, лишь бы меня не трогали. Когда нож уже занесён над горлом, плевать на историческую достоверность. Нельзя мне в императоры!»

«Если память не изменяет, конец у этого венценосного неудачника был на редкость жалким. Разве на такое я подписывался? Да и если взглянуть на нынешний расклад, страна уже катится в пропасть, и никакой монарх этого не предотвратит.»

«Великая Сун обречена на гибель. Конечно, на Чжао Цзи повесят всех собак, но виноват тут далеко не он один. Социальные противоречия обострены до предела, компромисс невозможен, а власть государя — курам на смех. На престоле ты не более чем марионетка в руках враждующих фракций. Станешь обирать простой люд — влиятельные кланы с радостью протянут руку помощи и разделят добычу. Но если вздумаешь навести порядок, урезать аппетиты знати и облегчить жизнь крестьянам — те же аристократы сотрут тебя в порошок первым.»

«Выход есть, но задача чертовски сложная. Придётся действовать тонко, годами развязывая этот узел. Пахать без продыху, лысеть от стресса и в конце концов снова склеить ласты от переутомления. И ведь даже такая жертва не гарантирует, что империя не рухнет.

Впереди маячат три финала: либо тебя свергнут, либо страну завоюют, либо тебя тихонько прирежут в собственной опочивальне. Выбирай на вкус.»

«Любая крупная корпорация держится не на одном гениальном директоре. Всё зависит от менеджеров высшего, среднего и низшего звена. Далеко за примером ходить не надо — перед глазами свежа история грандиозного провала, вошедшая во все учебники.

Великий реформатор Ван Аньши.»

«Он пытался провести реформы сверху, а подчинённые тем временем усердно подкапывали под него лаз. Саботировали указы, трактовали законы наизнанку, бегали строчить доносы императору — словом, дружно вставляли палки в колёса. И ведь пустили великое начинание под откос! Лишнее доказательство: каким бы гением ты ни был, если подчинённые твёрдо решили тебя сливать, они найдут тысячу способов выставить тебя полным дураком.»

«Чжао Цзи трезво оценивал собственные силы. Ван Аньши сумел пробиться сквозь миллионы конкурентов и занять пост канцлера, а сам Чжао Цзи в прошлой жизни при адском графике девять-девять-шесть едва дополз до руководителя среднего звена. До масштаба великого министра ему как до луны пешком.

У него не было и тени опасной иллюзии в духе: "Ну, это же отсталый древний китаец не справился, а я, прогрессивный человек двадцать первого века, точно наведу порядок". Глупости. Люди прошлого уступали нам в технологиях, но точно не в интеллекте. Любой искушённый царедворец сожрёт наивного пришельца из будущего на завтрак и даже не поперхнётся.»

«Кому нужна такая жизнь — пусть забирает. А я умываю руки.

Чжао Цзи мысленно прикинул сроки. Пока его венценосный братец ещё дышит, сам он остаётся Ваном Дуанем. Главное — не лезть в заговорщики, и тогда любой преемник на троне будет содержать его в сытости и довольстве. Но если примерить корону самому...

Бывшего офисного клерка, сгоревшего на работе, передёрнуло от ужаса.»

«В сложившихся обстоятельствах статус удельного князя — просто сказка! Поднакопить деньжат и через пару лет потихоньку смазать пятки на юг. Главное — залечь на дно, а там прорвёмся!

Замалчивать известия о моей травме? Ну уж нет, старый ты хрыч, держи карман шире. Поверю тебе — останусь в дураках. Слух о моей амнезии должен разлететься по столице во что бы то ни стало!»

Игнорируя затекшую половину тела, Чжао Цзи опёрся на будущего предателя и, преодолевая слабость, упрямо потащился к выходу. На ходу он спросил у Гао Цю:

— Какой сегодня день первого лунного месяца?

Он отчётливо помнил из учебников: император Чжэцзун скончался одиннадцатого числа первого месяца, чуть больше чем через месяц после своего дня рождения. Четвёртого числа, уповав на милость небес, он объявил Великую амнистию Поднебесной в надежде вымолить жизнь, но выиграл у судьбы от силы неделю — человек предполагает, а небо располагает. Ван Шэнь обмолвился, что амнистия была пару дней назад. Если история идёт своим чередом, времени у Чжао Цзи почти не осталось.

Нужно во что бы то ни стало разнести весть об амнезии до того, как грянет гром.

Гао Цю отреагировал мгновенно, подтверждая свою репутацию расторопного малого:

— Докладываю Вашему Высочеству, сегодня одиннадцатое...

Договорить он не успел — его голос потонул во внезапно поднявшемся шуме.

Раздражённый Чжао Цзи повернулся к слуге, требуя повторить, но тут дорогу им преградил улыбчивый старый евнух. Позади него безмолвно распласталась свита.

Завидев нетвёрдо шагающего, дрожащего всем телом князя, старик опешил. Решив, будто раненый господин лично поспешил к нему навстречу, евнух расчувствовался едва не до слёз. Он быстро сделал несколько шагов вперёд и бережно подхватил Чжао Цзи под дрожащие руки.

— Ох, Ваше Высочество, пощадите ничтожного слугу! Столь великая милость — чистый грех для меня. Но матушка-императрица прислала секретный указ: вам надлежит немедленно явиться во дворец.

Опасаясь, как бы драгоценный гость не рухнул наземь, старик сделал знак челяди. Чжао Цзи тут же бережно передали с рук на руки подоспевшим слугам. Окружив князя плотным кольцом и страшась усугубить его травмы, дюжие парни и молодые евнухи практически понесли его к выходу, едва позволяя ногам касаться пола. Действовали они на удивление слаженно и мягко.

Оказавшись в роли живой ноши, Чжао Цзи даже не почувствовал неудобства — мастерство дворцовых слуг оттачивалось годами. Однако, когда его выволокли за ворота и попытались усадить в паланкин, он занервничал. Ведь его главной целью было отыскать загадочного Господина Бая и обсудить с ним план спасения!

Преодолев слабость, Чжао Цзи рявкнул во всё горло:

— Дерзость! Пошли вон!

Слуги с перепугу рухнули на колени, едва не уронив своего господина. Старый евнух тоже опустился на землю и, мелко дрожа, запричитал:

— Смилуйтесь, Ваше Высочество! Вдовствующая императрица ждёт, медлить никак нельзя.

Слово «императрица» подействовало отрезвляюще. Чжао Цзи мигом позабыл о господине Бае и лихорадочно зарылся в скудные исторические познания, выуживая сведения о вдовствующей императрице Сян.

— Зачем я понадобился её величеству? — строго спросил он.

— Ох, пощадите, Ваше Высочество! Разве посмеют ничтожные слуги совать нос в дела её величества?

Поняв, что от евнуха ничего не добиться, Чжао Цзи смирился. Вдовствующая императрица Сян сейчас фактически держала в руках бразды правления всей страной, перечить ей — верная гибель. Он оставил тщетные попытки сопротивления и позволил усадить себя в экипаж.

Княжеский выезд оказался на редкость комфортабельным. Колёса мягко шуршали по мостовой, пока лошади несли экипаж к императорскому дворцу. В прошлой жизни Чжао Цзи доводилось бывать в Запретном городе лишь в качестве туриста, купившего билет. Из тех воспоминаний в памяти остались разве что толпы, наступающие на пятки, бесконечные красные стены да подавляющие масштабы.

Теперь же, въезжая в настоящий дворец Кайфэна, он впервые по-настоящему прочувствовал величие этого места. Пейзаж за окном менялся, прохожих становилось всё меньше, пока карета наконец не остановилась у исполинской стены перед Правыми боковыми воротами. По правилам, дальше следовало идти пешком, однако заботливая императрица Сян учла слабость Чжао Цзи и приказала подготовить для него паланкин.

Перебравшись в паланкин, Чжао Цзи слегка приоткрыл занавеску. Носильщики шли споро, выбирая самые безлюдные галереи. Они миновали проход между ведомствами и Центральным секретариатом, свернули к переходу у Западных ворот Процветания, миновали Зал Собравшихся Талантов и наконец остановились перед величественными дверями, над которыми красовалась табличка: «Дворец Драгоценного Милосердия».

— Осторожнее, Ваше Высочество, — раздался тихий, вкрадчивый голос евнуха снаружи.

Силы постепенно возвращались к Чжао Цзи, и теперь, опираясь на слуг, он мог по крайней мере держать спину ровно. В таком положении его и ввели под своды Дворца Драгоценного Милосердия.

По пути он обратил внимание на странную деталь: слуг здесь почти не было. Очевидно, Вдовствующая императрица Сян сознательно отослала лишние глаза и уши. Вызвать его в столь щекотливый момент, да ещё и распустить прислугу...

Сердце Чжао Цзи заколотилось в груди как сумасшедшее.

«В голове крутились панические мысли о неминуемом крахе. Страшно было даже представить, зачем его позвали под покровом тайны. Только бы не престолонаследие! Только не это!»

Однако реальность оказалась куда более непредсказуемой.

Не успел Чжао Цзи согнуться в церемонном поклоне, как Вдовствующая императрица Сян тепло подхватила его под локоть и увлекла за собой.

— Оставь эти формальности, — мягко проговорила она и указала на изящную кушетку. — Присаживайся, к чему эта напускная скромность? Я лишь недавно узнала, что ты умудрился упасть в озеро. Как твоё самочувствие? Всё-таки ты член императорской семьи, носишь титул цзюньвана. — Её голос потеплел, но тут же приобрёл ворчливые нотки: — Государю уже подали несколько докладов с жалобами на твоё неподобающее поведение. Тебе стоит быть осмотрительнее и держать себя в руках.

В голове у Чжао Цзи воцарилась полная каша. Как вести себя новоявленному принцу? Спросить о здоровье императора? Боязно — вдруг это запретная тема. Выразить почтение самой хозяйке дворца? Слов не подобрать.

Лицо его залилось краской от напряжения. Наконец он выдавил из себя хриплое:

— Ничтожный слуга непременно учтёт ваши наставления.

И тут же внутренне похолодел. Не ляпнул ли он лишнего? Имеет ли он право так выражаться в присутствии императрицы? За эти несколько минут Чжао Цзи успел мысленно умереть и воскреснуть добрую сотню раз.

Решив исправить положение, он поспешно добавил:

— Физически я крепок, вот только при падении сильно ударился головой... Теперь решительно ничего не помню из прошлого.

Вдовствующая императрица Сян, уже вернувшаяся на своё место, на мгновение замерла с пиалой в руках. Затем она медленно, без единой эмоции на лице, опустила посуду на столик. Её голос прозвучал обманчиво спокойно:

— И всё же выглядит Цзюньван Дуань вполне здоровым.

Чжао Цзи уловил перемену в настроении собеседницы, но причин понять не мог. Совершенно растерявшись, он упрямо повторил:

— Премного благодарен за беспокойство, здоровье меня действительно не подводит.

Неизвестно, какое именно слово растопило лёд, но лицо Вдовствующей императрицы Сян снова озарила мягкая улыбка. Она сделала глоток чая и повернулась к служанке:

— Подготовь лучшие снадобья и отправь в поместье князя Дуаня. — А затем вновь обратилась к Чжао Цзи: — Считай это моей скромной заботой о твоём благополучии.

В древние времена спорить со старшими покровителями было не принято, да и отказываться от высочайших даров — грех. Чжао Цзи вновь поднялся с кушетки и низко поклонился в знак признательности.

На губах императрицы наконец заиграла благодушная улыбка:

— Что ж, ступай.

Чжао Цзи замер с низко опущенной головой.

«И это всё?! Просто поболтали о пустяках? У этих древних мысли извилистее русла Хуанхэ! Ничего не понимаю... Что это сейчас было? Насчёт чая можно не беспокоиться, не отравили же меня, в самом деле?»

Даже когда карета миновала дворцовые ворота и покатила обратно, Чжао Цзи так и не разгадал истинную цель аудиенции. Впрочем, облегчение от того, что он унёс ноги целым и невредимым, перевешивало любые сомнения. Напряжение было столь велико, что он едва не заработал инфаркт. Больше всего он боялся услышать роковое: «Прими бразды правления», или что правительница раскусит самозванца.

Обошлось лёгким испугом и праздными расспросами.

Но разве государственные дела делаются ради праздных расспросов? Здесь явно крылся какой-то подвох.

Вернувшись в усадьбу, Чжао Цзи никак не мог успокоиться. Будучи фальшивкой, он отчаянно нуждался в совете. Наскоро проглотив ужин, вкуса которого даже не заметил, он расспросил слугу о расположении комнат и решительным шагом направился в Западный флигель.

Император Чжэцзун взойшёл на престол в десятилетнем возрасте. И до него, и после в императорском дворце дети гибли пачками. Поговаривали, у одной из наложниц родился на редкость смыслённый сын, коим все не могли нахвалиться, но не прошло и пары месяцев, как младенец скоропостижно скончался. Чья именно рука оборвала его жизнь — тайна за семью печатями.

Среди выживших родственников императора — как его дядей, так и братьев — порядочных людей не сыскалось бы и днём с огнём. Кто предавался азартным играм и разврату, кто с головой уходил в каллиграфию и поэзию, кто увлекался даосскими практиками. В этой семье выживали лишь те, кто демонстрировал полное равнодушие к власти и усердно занимался пустяками.

Прежний Чжао Цзи рос в роскоши, и образованием его занимались лучшие учителя страны. Когда же он получил титул и переехал в собственную резиденцию, к нему приставили наставника, совмещавшего обязанности советника. Вот только молодой князь государственными делами не интересовался вовсе, поэтому новоиспечённый баньёй превратился в обычную деталь интерьера. Об этом знали все в окружении принца. Именно поэтому утреннее упоминание советника Ван Шэнем вызвало у того заминку — зять императора попросту позабыл, как зовут этого несчастного умника, которого давно сослали с глаз долой за ненадобностью.

И вот теперь Чжао Цзи, прячась в ночной тени, предвкушающе потёр ладони.

«Твой выход, господин Бай! Выручай!»

Тем временем господин Бай уже готовился ко сну, как вдруг снаружи донёсся шум. Распахнув дверь, он обомлел: на пороге стоял сам князь и, зловеще ухмыляясь, потирал руки. Красный свет качающегося фонаря багровел на его лице.

Советник внутренне содрогнулся.

«Ваше Высочество, умоляю, прекратите. Мне страшно!»

Заметив, что вышедший к нему в одном исподнем господин Бай дрожит от холода — тонкие ноги в просторных штанах ходили ходуном, — Чжао Цзи решил проявить великодушие истинного начальника.

Он ласково ухватил советника за плечо:

— На улице стужа, пойдём в дом, там и поговорим.

После чего обернулся к свите:

— Пожалуй, сегодня я останусь здесь. Оставьте одного дежурного, остальные свободны.

Господин Бай почувствовал, как воздух застревает у него в горле.

«О великие предки! Я, конечно, слышал, что у знатных господ вкусы бывают весьма... специфическими, а в богатых домах держат смазливых юношей для услады. Но неужели очередь дошла до меня?!»

Судьба господина Бая была полна горькой иронии. Сдав государственные экзамены, он горел желанием послужить отечеству. Увы, парень подкачал с политическим чутьём: на Дворцовом экзамене он принялся яростно нахваливать реформы Ван Аньши. А в это время при дворе как раз шла масштабная чистка, и сторонников реформаторов косили как спелую рожь. Не успел новоиспечённый чиновник заявить о себе, как его карьера была срезана под корень.

К счастью, как раз в это время оба князя основали свои резиденции, и он, сбив ноги в кровь, вымаливая протекцию у однокашников, наконец получил место и закрепился в Кайфэне.

Увы, господин, к которому он пристроился, оказался заядлым бездельником. Живопись, каллиграфия, стихи, певчие птицы, бои сверчков, футбол-цуцзюй и конное поло — Ван Дуань обожал всё на свете, кроме государственных дел и великих свершений.

Видя, как другие подлипалы делают карьеру на лестии, а Ван Шэнь укрепляет свои позиции, регулярно поставляя князю юных красавиц, господин Бай решился на отчаянный шаг. Потратив все сбережения, он выкупил из весёлого квартала непорочную девицу с прекрасным голосом.

Кто же знал, что именно к тому моменту Чжао Цзи пресытится невинными девами и переключится на аппетитных вдовушек? Прелестница пришла, спела и ушла восвояси. А вместе с ней испарились и последние деньги незадачливого советника.

Но даже оказавшись на мели, тридцатилетний советник не планировал торговать собственным телом. Он и помыслить не мог, что княжеский взор когда-нибудь обратится на него.

И вот теперь перед ним встала дилемма века. Прежде чем Бай успел взвесить все «за» и «против» возможного союза с начальством, Чжао Цзи усадил его рядом и доверительно спросил:

— Господин Бай, скажи честно: какого ты обо мне мнения?

«Началось!» — советник затаил дыхание, готовясь к худшему.

За весь сегодняшний день он ощутил собственную значимость так остро, как никогда в жизни. Сперва Государственный зять Ван примчался с выпученными глазами, требуя держать язык за зубами касательно здоровья господина. А теперь и сам Ван Дуань заявляется посреди ночи, усаживается на край постели, сжимает его ладонь и задаёт столь двусмысленные вопросы!

Чжао Цзи, разумеется, и не подозревал о буре, бушевавшей в душе подчинённого. Он сосредоточенно подбирал слова:

— Сегодня матушка-императрица тайно вызвала меня во дворец.

Мысли в голове господина Бая на миг замерли, а затем завертелись с бешеной скоростью.

«Постойте... Неужели Его Высочество действительно обратился ко мне за советом? Неужто настал мой звёздный час?»

В следующую секунду перед его мысленным взором развернулась масштабная картина дворцовых интриг. Если князь примчался к нему сразу после аудиенции, значит, дело нечисто. Неужели вдовствующая императрица дала секретные указания? Или государь высказал свою волю? Всем известно, что здоровье его величества на исходе, ходят слухи, будто на днях он харкал кровью прямо во время утреннего приёма. Что же предвещает этот визит?

Сам Чжао Цзи оставался совершенно спокоен. Будучи чужаком в этом теле, он рассуждал трезво. Раз этот человек сумел получить должность советника при княжеском дворе, ума ему

не занимать. Прежний хозяин тела Бая не жаловал и держал на расстоянии, а значит, советник не знает привычек господина достаточно хорошо, чтобы заметить подмену. Именно такой умный, но далёкий от личных тайн человек и требовался Чжао Цзи для анализа ситуации. Выбора у него всё равно не было.

Справившись с волнением, господин Бай принял серьёзный вид и осторожно спросил:

— Смею ли я поинтересоваться, о чём изволила толковать с Вашим Высочеством матушка-императрица?

Чжао Цзи нахмурился:

— Обычная семейная беседа. Ничего существенного.

«Тайный вызов во дворец ради пустой болтовни?» — пронеслось в голове советника.

— Хм, весьма необычно... — протянул он, изображая глубокую задумчивость. — Ничтожный Бай не дерзнёт строить догадки о помыслах правящей династии.

Чжао Цзи прекрасно видел советника насквозь. Обычная психология: когда обделённого вниманием сотрудника внезапно вызывают к генеральному директору и поручают важное дело, тот первым делом ищет подвох и боится подставиться.

Он нетерпеливо взмахнул рукой:

— Оставь эти формальности. Всё, что здесь будет сказано, умрёт в этой комнате. Говори прямо и без увёрток.

Господин Бай выпрямился, мгновенно преобразившись:

— В таком случае предположу следующее: возможно, её величеству и не требовалось вести с вами важные беседы. Сам факт вашего секретного визита во дворец — уже послание.

Чжао Цзи прищурился:

— Какое ещё послание?

— А что, если оно предназначалось вовсе не Вашему Высочеству? — вкрадчиво произнёс Бай.

«Мой визит во дворец... Сам по себе послужил сигналом для третьих лиц?» — громом среди ясного неба отозвалась в голове Чжао Цзи догадка.

Вспомнив роковую дату смерти императора Чжэцзуна, Чжао Цзи похолодел. Этот двусмысленный визит, недоговорённость... Он внезапно вспомнил прерванные слова Гао Цю и резко повернулся к советнику:

— Какое сегодня число первого месяца?

— Одиннадцатое... — растерянно ответил Бай.

Одиннадцатое!

У Чжао Цзи словно земля ушла из-под ног. Значит, его венценосный брат уйдёт в мир иной уже завтра?!

«Неужели развязка так близко?!»

Его лицо то бледнело, то заливалось краской от подступающей паники.

Заметив крайнее смятение на лице господина, советник тоже посерьёзnel:

— Осмелюсь спросить: каким путём Ваше Высочество везли во дворец?

Чжао Цзи скороговоркой выпалил, воскрешая в памяти промелькнувшие за окном паланкина виды:

— Через Правые боковые ворота, мимо павильонов и Центрального секретариата, прямоком через Зал Собравшихся Талантов...

Лицо господина Бая стало мрачнее тучи:

— Сегодня день большого приёма. Все министры и главы ведомств собрались для доклада в Зале Мирного Правления.

А этот зал располагался вплотную к Залу Собравшихся Талантов.

В голове Чжао Цзи наконец сложился этот дьявольский пазл.

Оказывается, никакой «тайны» в этом вызове не было! Вдовствующая императрица Сян разыграла изящную шахматную партию: она просто протащила его перед носом у всей верхушки чиновничества, ненавязчиво продемонстрировав потенциального преемника!

«Вот же старая лиса! Меня просто выставили напоказ, как породистого жеребца!»

Он со всей силы грохнул кулаком по столу.

Поздно. Колесо судьбы уже сделало свой оборот.

<http://bllate.org/book/18987/1868452>